

*Д. Н. ЖАТКИН,
Т. Н. ШЕШНЕВА*

**Литературная
жизнь Германии
в восприятии
и оценках
А. К. Толстого**

Международные связи творчества А. К. Толстого, прежде всего в русско-немецком контексте, исследовали немногие отечественные литературоведы, среди которых следует назвать С. А. Федоровского, А. Ф. Лютера, Н. П. Жинкина, В. М. Жирмунского, А. А. Илюшина¹. При этом рассмотрение указанных проблем проводилось либо в рамках изучения рецепции творчества И. В. Гете русской литературой во-обще, либо в контексте обособленного художественного восприятия А. К. Толстым поэтического творчества Г. Гейне, либо в аспекте сопоставительного рассмотрения отдельных немногочисленных текстов. В условиях очевидного усиления интереса к наследию А. К. Толстого² возникает необходимость целостного рассмотрения международных связей его творчества.

Отношение русского писателя к внутренним основаниям творческого процесса складывалось в русле традиций немецкого романтизма. Природа искусства раскрывалась

перед ним, равно как и перед представителями немецкого романтизма, через надматериальное понима-

ние присущих мирозданию гармонии и смысла. Эти мысли А. К. Толстого получили концентрированное выражение в программном стихотворении «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..» (1856), ставшем «апофеозом» «душевного слуха» и «душевного зренья» художника, который слышит «неслышимые звуки», видит «невидимые формы» и затем творит под впечатлением «мимолетного виденья». В одном из датированных 1854 годом писем к С. А. Миллер А. К. Толстой, следуя суждению представителя йенского кружка романтиков Новалиса, в философском плане декларировавшего приоритет интуиции в познании мира, признавался, что у него «невысокое мнение о разуме человеческом»: «...бог нам дал чувство, чтоб идти дальше, чем разум»³.

Согласно романтическим традициям восприятия творца и стоящей перед ним единст-

венной «задачи сделать хорошо»⁴ А. К. Толстой нередко прибегал к цитированию стихов И. В. Гете, использовавшихся многими его современниками для подтверждения формулы «искусство для искусства»:

Ich singe wie der Vogel singt,	Пою, как птица волен, я,
Der in den Zweigen wohnet;	Что по ветвям летает,
Das Lied, das aus der Kehle dringt,	И песнь свободная моя
Ist Lohn, der reichlich lohnet.	Богато награждает.

(перевод К. С. Аксакова⁵)

Например, в письме к К. К. Павловой от 25 октября 1861 года, подтверждая неизбежность постулатов своей искусствоведческой концепции, Толстой сообщает: «Гетевское «Ich singe wie der Vögel singt» — китайская грамота для большинства наших писателей, и им всегда хочется *проводить мысль* и что-либо доказывать с заранее обдуманым намерением, что придает им характер более или менее дидактический, да накажет их бог!»⁶.

Знакомство А. К. Толстого с произведениями зарубежной литературы, содержащими сверхъестественные сюжеты и «готические» образы, в частности, с сочинениями И. В. Гете, Э. Т. А. Гофмана, Л. Тика, А. Мюльнера, обусловило создание его ранних произведений фантастической тематики («Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», «Амена»). Молодой Толстой, свободно владея немецким языком, ознакомился также с оригиналами произведений Г. Э. Лессинга, Ф. Шиллера, Г. Гейне и др.

Упоминание имени Г. Э. Лессинга в стихотворении «В твоём письме, о Феофил...» (14 января 1869 г.), являющемся сардоническим поэтическим посланием А. К. Толстого к Ф. М. Толстому, восторженно отзывавшемуся о трагедии «Царь Федор Иоаннович» и одновременно препятствовавшего ее постановке на отечественной сцене, свидетельствует о довольно близком знакомстве русского поэта с жизнью и литературной деятельностью немецкого предшественника. В послании А. К. Толстой шуточно отрицает саму возмож-

ность сравнения своей персоны с Г. Э. Лессингом и вместе с тем намеками продолжает тему, затронутую, вероятно, в одном из писем оппонента: «Ты говоришь, о Феофил, // Что на немецком диалекте // «Лаокоона» он хвалил, // Как я «Феодора» в «Проекте?»».

Характерное отношение А. К. Толстого к задачам художественного творчества формировалось в среде, питаемой искусствоведческими взглядами Г. Э. Лессинга. В русле аналогичных с Г. Э. Лессингом взглядов на драматическое искусство происходило становление воззрений Толстого относительно противопоставления исторической и человеческой правды. Согласно художественной доктрине А. К. Толстого, искусство не должно стремиться к полному отражению правды о предмете, но обязано выражать его типичные, существенные черты. К этому закону, по мнению А. К. Толстого, «пристали все великие критики <...>, в том числе Лессинг и Гете, и в этом смысле он может по справедливости назваться законом европейским»⁷.

Наибольший интерес среди немецких писателей, безусловно, вызывал у А. К. Толстого И. В. Гете. Русский поэт перевел несколько его стихотворений⁸, использовал мотивы отдельных произведений в собственных сочинениях, часто упоминал о гетевском творчестве в переписке. В частности, отрывок из «Певца» И. В. Гете цитируется А. К. Толстым в датируемом маем-июнем 1862 года письме к М. Н. Каткову с целью обоснования необходимости для художника особой среды, «в которой отражалась бы его мысль». Однако при этом постулируется позиция, обратная высказанному предшественнику. «Das Lied, das aus der Kehle dringt, ist Lohn der reichlich lohnet», — цитирует гетевские стихи Толстой и добавляет: «Я даже сомневаюсь в совершенной искренности Гете, когда он это сказал. <...> Если хотя несколько человек склоняют свой слух к песне певца, тогда он поет не даром и получает от слушателей своих новые силы»⁹.

Для подтверждения своей точки зрения, обусловленной тогда еще только намечавшей-

ся доктриной об идеальной и реальной правде в искусстве, Толстой в письме Б. М. Маркевичу от 20 марта (1 апреля) 1860 года снова опирается на авторитет И. В. Гете. Рассказывая о завершении работы над романом «Князь Серебряный», Толстой в объяснении причин некоторого отступления от хронологической последовательности событий российской истории акцентирует внимание адресата письма на аналогичном отклонении от исторической правды в трагедии И. В. Гете «Эгмонт»: «...я был добросовестен, как только мог, хотя, правда, и позволил себе один анахронизм: Вяземского я подверг казни на пять лет раньше, чем его на самом деле казнили. Не правда ли, это не беда? Ведь Эгмунту Гете отрезал же голову на двадцать лет раньше срока»¹⁰.

Искреннее преклонение А. К. Толстого перед И. В. Гете не исключало вместе с тем и конструктивной критики отдельных спорных моментов в творчестве великого немецкого писателя. В частности, в письме к Б. М. Маркевичу от 9 мая 1871 года Толстой, негативно отзываясь о романе Ж. Санд «Снеговик», сравнивал его с посредственными, по его мнению, романами И. В. Гете о Вильгельме Мейстере: «Я большой поклонник Ж. Санд, но это произведение <«Снеговик»> так же глуповато, как «Вильгельм Мейстер», ибо я должен Вам сказать, что имею смелость считать это произведение глуповатым, в то же время простираясь ниц перед Гете за «Фауста» и «Вертера». К тому же я нахожу «Вильгельма Мейстера» убийственно скучным»¹¹.

Русского писателя привлекали творческая биография Ф. Шиллера, его воззрения на литературу и искусство. 12 января 1865 года, извещая К. К. Павлову о своих планах по расширению трагедии «Смерть Иоанна Грозного» до драматической трилогии, А. К. Толстой припоминал подобный случай обращения с творческим материалом при создании трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн»: «...первоначально «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» составляли одну трагедию <...>. Шиллер, которого испугало das Massenhafte, разделил ее на две. Ведь, в сущности,

«Пикколомини» сами по себе не составляют целого и, несмотря на свою красоту, können nicht Anspruch machen, auf ihren eigenen Beinen zu stehen. Это превосходная *завязка* без всякой *развязки*. В свою очередь, «Смерть Валленштейна», взятая в отдельности, требует таких Voraussetzungen, которыми никто не может располагать, если не читал «Пикколомини». По-моему, это недостаток»¹².

Влияние творчества Ф. Шиллера на духовный мир А. К. Толстого ощутимо в драматургии русского поэта. Г. И. Стафеев, сопоставивший трагедию «Царь Федор Иоаннович» с произведениями зарубежных драматургов, отметил, что «сложность интриги сближает толстовское творение с французской трагедией, а еще больше — с шекспировской»; «глубокий же показ внутреннего духовного мира главных героев напоминает лучшие вещи Шиллера»¹³.

Явные переключки с творчеством немецких писателей можно видеть в драматической поэме А. К. Толстого «Дон Жуан». Толстой в письмах Б. М. Маркевичу от 1 апреля 1860 года и 10 июня 1861 года сообщал о прямом заимствовании общей идейной линии «Дон Жуана» у Э. Т. А. Гофмана, «который первый увидел в Дон Жуане искателя идеала, а не простого гуляку»: «Каждый <...> понимает «Дон Жуана» на свой лад, а что до меня, то я смотрю на него так же, как Гофман: сперва Дон Жуан верит, потом озлобляется и становится скептиком; обманываясь столько раз, он больше не верит даже и в очевидность»¹⁴. О том, что при создании своего произведения А. К. Толстой опирался на новеллу Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», написанную по поводу исполнения одноименной оперы В. А. Моцарта, также свидетельствует цитата из нее, взятая русским поэтом в качестве эпиграфа к драматической поэме. Вместе с тем в «Дон Жуане» А. К. Толстого отчетливо прослеживается и художественная имплицитность трагедии И. В. Гете «Фауст».

А. К. Толстой перевел несколько стихотворений Г. Гейне, использовал традиции творчества выдающегося немецкого современника в своих разножанровых произведе-

ниях. На первый взгляд кажется удивительным сближение лирического романтизма А. К. Толстого и достаточно суровой поэтики Г. Гейне. Видимо, данное обстоятельство обусловлено тем, что А. К. Толстой при восприятии произведений определенного писателя не шел по пути отождествления отдельных высказываний и поступков и художественного творчества, являющегося наиболее адекватным мериллом развития душевных устремлений творца.

Сам А. К. Толстой подтверждает приведенную гипотезу следующим высказыванием о Г. Гейне, «истинном и замечательном поэте», содержащимся в письме к С. А. Миллер от 17 ноября 1856 года: «Как мог он быть дурным человеком? Чувства злобы, ненависти и даже самые низкие встречаются в его произведениях рядом с самыми возвышенными и глубоко поэтическими чувствами...»¹⁵. Когда А. К. Толстого обвиняли в безнравственности отдельных его произведений, он находил целесообразным апеллировать к творчеству Г. Гейне. Например, полемизируя с М. Н. Катковым, который, сославшись на якобы присущую бытине «Алеша Попович» аморальность, отверг возможность ее публикации в «Русском вестнике», А. К. Толстой приводил в качестве аргумента одно из стихотворений Г. Гейне. «Не знаю, — отмечал он в письме Б. М. Маркевичу от 9 октября 1871 года, — чем мой Попович безнравственнее «Петера и Бендера» Гейне»¹⁶.

Наряду с классикой А. К. Толстого интересовало также творчество современных ему немецких писателей. Первое впечатление о личности Б. Ауэрбаха сложилось у Толстого в начале 1860-х годов и изначально было достаточно ровным. Однако к 1868 году отношение А. К. Толстого к Б. Ауэрбаху кардинально изменилось. Причиной тому стал новый роман Ауэрбаха «Дача на Рейне», структурное построение и художественные новации которого оказались чужды русскому писателю. «Воля Ваша, — обращался он к М. М. Стасюлевичу, печатавшему произведение Ауэрбаха в «Вестнике Европы», — я нахожу, что у Ауэрбаха размягчение моз-

га. Можно ли набрать столько лиц, говорящих столько пустяков, которым они беспрестанно сами удивляются и поражаются?» (письмо от 22 ноября 1868 г.)¹⁷. А. К. Толстой высказывал многочисленные критические суждения о романе «Дача на Рейне» в письмах к разным людям, в том числе к самому автору романа.

Точка зрения немецкого исследователя в области теории и истории драмы Г. Т. Ретчера, как созвучная собственной искусствovedческой концепции, упомянута А. К. Толстым в «Проекте постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» при обосновании концепции соотношения реальной и идеальной правды в творчестве драматурга: «Человеческая правда — вот его закон; исторической правдой он не связан. <...> До какой степени он может пользоваться этим правом, признаваемым за ним всеми эстетическими критиками, начиная от Аристотеля до Ретчера и Белинского, — это дело его совести и его поэтического такта»¹⁸.

Отвергая в письме к К. К. Павловой от 18 ноября 1868 года законы построения драмы в творчестве немецкого писателя Г. Фрейтага, А. К. Толстой тем не менее сохранял почтительное отношение к нему: «Я благополучно довел до конца первое действие «Царя Бориса» <...>. Звучание <...> высокое — словно орган или колокольный звон. И именно этим торжественным аккордом <...> я начинаю драму, вопреки всем правилам Фрейтага, которого, впрочем, ставлю очень высоко и его теорию ценю сейчас больше, чем прежде»¹⁹. В письме к К. К. Павловой от 11 или 12 декабря 1869 года А. К. Толстой, стремясь подчеркнуть правильность построения трагедии «Царь Борис», опирается на авторитет Г. Фрейтага, используя немецкую фразу «Es ist Regel- und Freitagsrecht»²⁰.

Следует признать весьма невысокое мнение А. К. Толстого о К. Ф. Геббеле, немецком поэте, драматурге и теоретике искусства. «До чего упало эстетическое чувство во всей Европе — это видно из ее отношений к Victor Hugo и к Геббелю, — удрученно восклицал

Толстой в письме к М. М. Стасюлевичу от 20 мая 1869 года. — Их читают! Это ужасно! Их переводят — это еще ужаснее!»²¹

При рассмотрении особенностей восприятия и оценок А. К. Толстым немецкой литературы следует особо подчеркнуть причастность этого процесса общим тенденциям международного литературного взаимодействия. Глубинное проникновение А. К. Толстого в сущность творческого мировосприятия немецких писателей позволяет обнаружить мощнейшее влияние на него литературной жизни Германии.

¹ Федоровский С. А. Переводы и переделки стихотворений Гете в русской литературе // Записки Харьковского ун-та. 1902. № 2. С. 1–95; Лютер А. Ф. Лебединая песнь Шиллера // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко. М., 1902. С. 335–366; Жинкин Н. П. А. К. Толстой и Гейне // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 433–441; Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937; Илюшин А. А. Предисловие и примечания // Алексей Константинович Толстой: С немецкого языка — на русский: Стихи из писем Каролине Павловой в переводе Нонны Слепаковой. Philologica. 1997. Т. 4 (№ 8/10). С. 325–357.

² См.: Вороничев О. Е. Средства языковой исторической стилизации в драматической трилогии А. К. Толстого: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 1995; Федоров А. В. Ранняя фантастическая проза А. К. Толстого и традиции романтизма в русской прозе 40-х гг. XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; Булушева Е. И. Фольклорные жанры в художественном повествовании романа А. К. Толстого «Князь Серебряный»: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999; Никульшина Е. В. Роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» в историко-литературном контексте первой половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002; Григорьева Н. Г. Принципы характеристики в творчестве А. К. Толстого: «Князь Серебряный», драматическая трило-

гия: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

³ Цит. по: Ямпольский И. Г. Об эстетических взглядах и литературных мнениях А. К. Толстого // Толстой А. К. О литературе и искусстве / Составление, вступ. ст. и комментарии И. Г. Ямпольского. М., 1986. С. 8–9, 11.

⁴ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964. Т. 4. С. 324.

⁵ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 326.

⁶ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964. Т. 4. С. 144.

⁷ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 3. С. 531.

⁸ См.: Жаткин Д. Н., Шешнева Т. Н. А. К. Толстой как переводчик «Коринфской невесты» И. В. Гете // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира: Материалы международной научной конференции: В 2 ч. Ульяновск, 2006. Ч. I. С. 84–90; Жаткин Д. Н., Шешнева Т. Н. А. К. Толстой как переводчик баллады И. В. Гете «Бог и баядера» // Литература в диалоге культур-4: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2006. С. 392–395.

⁹ Толстой А. К. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 108.

¹⁰ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964. Т. 4. С. 113.

¹¹ Толстой А. К. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 178.

¹² Там же. С. 167.

¹³ Стафеев Г. И. Сердце полно вдохновенья: Жизнь и творчество А. К. Толстого. Тула, 1973. С. 243.

¹⁴ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964. Т. 4. С. 113; 132.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Там же. С. 379.

¹⁷ Там же. С. 245.

¹⁸ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 3. С. 449.

¹⁹ Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963–1964. Т. 4. С. 242.

²⁰ Там же. С. 329.

²¹ Там же. С. 297.